

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-2-77-90

ПРОШЛОЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГРАНД-НАРРАТИВЫ УКРАИНЫ

Н. М. Ефимищ¹

Статья посвящена конструированию национальной идентичности и значению «образа Другого» в данном процессе. Автор фокусирует внимание на роли образа России в формировании современного дискурса украинской национальной идентичности и в национальном строительстве современной Украины, а именно: исторических нарративах, официальной риторике и политике памяти. Конструирование украинской идентичности рассматривается в контексте постколониального и постимперского дискурсов. Особое место отводится использованию образа империи в формировании представлений о прошлом Украины. Автор отмечает, что данный процесс не сопровождается глубокой научной дискуссией о понимании империи и колониальной политики, но постколониальная риторика активно используется во внутривнутриполитической борьбе в Украине и в ее внешней политике.

Ключевые слова: национальная идентичность; постимперский дискурс; постколониальная риторика; образ Другого; политизация прошлого; Украина; Россия.

В данной статье методологической основой являются исследования, с одной стороны, Энтони Смита [21] и Бенедикта Андерсона [2], с другой – Эдварда Саида [20], помогающих использовать для анализа ситуации в Украине и ее отношения к России концептуальный инструментарий как «воображаемых сообществ», так и «ориентализма».

Анализ обнаруживает двойственность ситуации в Украине. Часть украинского общества и политических сил для конструирования украинской нации использует преимущественно негативный образ России, другая часть общества и политиков, наоборот, считает выигрышным для конструирования нацигосударства сохранять позитивный образ России. В нашем случае мы обозначаем эти две составные части электората и политикума как носителей, соответственно, постколониального и постимперского дискурсов.

---

¹ Ефимищ Надежда Михайловна – Президент уральских народов Украины, политолог, заместитель директора Центра новейших технологий по учебной части Национального авиационного университета, Киев, Украина. E-mail: maraty50@ukr.net.

© Ефимищ Н. М., 2018

Уже во второй половине 1990-х гг. некоторые украинские историки стали предпринимать попытки осмысления процессов историописания и нациестроительства в Украине, опираясь на теоретические разработки западных исследований национализма [7]. С каждым годом число публикаций на эту тему растет, что свидетельствует об осознании ее важности в профессиональной среде.

В обобщающих трудах по истории Украины, созданных после 1991 г., авторы стараются подчеркнуть разрыв с предшествующим советским историописанием, которое характеризуется ими как фальсификация прошлого. Делается акцент на том, что только с обретением независимости в 1991 г. стало возможным возвращение правдивой истории и памяти. Так, например, в коллективном труде «Введение в курс «Истории Украины» в первом томе заявлено: «Поскольку обман является обязательным условием сохранения власти бюрократии, то фальсификация истории в тоталитарном обществе становится неизбежной. ... Наиценнейшее сокровище, полученное украинским народом вместе с его государственной независимостью, – это возможность возвращения своей истории, национальной памяти, которые веками искажались, фальсифицировались в угоду господствовавшей в тот или иной период власти...» [10, 10–11]. Еще более радикален во «Введении к своей «Истории Украины» харьковский историк В. Я. Билоцеркивский: «В последнем десятилетии XX в. успешно осуществил свою извечную мечту [6, 3] о государственности и многострадальный украинский народ, путь которого к независимости устлан миллионами жизней его лучших сыновей и дочерей. Многочисленные национально-освободительные движения и восстания, национальные революции в Украине заканчивались преимущественно поражениями и огромными потерями отважных их участников и триумфом соседних колониальных держав – извечных врагов национальной свободы украинцев. Это характерная черта истории украинского народа, и она, эта история, фальсифицировалась и замалчивалась колонизаторами» [12, 136]. Как видим, автор придерживается примордиалистской концепции нации как монолитной, древней и неизменной данности, имеющей «извечную мечту» и «извечных врагов» – «колониальные державы». Тут прямо указано, кто именно фальсифицировал историю – «колонизаторы». Таким образом, вся история Украины до 1991 г. представлена как история колонии, борющейся с колонизаторами за свою независимость.

Исторические гранд-нарративы, созданные в Украине после 1991 г., избылуют понятиями «империя», «колониальная политика», «колониальный гнет» и т.п. Тем самым, как это ни парадоксально, но они демонстрируют определенную преемственность с советскими нарративами истории СССР. Именно так характеризовалось пребывание западноукраинских земель в составе Австрийской империи: «На западноукраинских землях под властью Австрийской империи открыто проводилась колониальная политика, направленная на превращение этого района в аграрно-сырьевую окраину» [12, 155].

По отношению к Российской империи украинские советские историки не осмеливались применять подобных дефиниций, заменяя их иными, но передавая по сути ту же идею. Враждебный трудящимся механизм феодально-крепостнического строя Российской империи Т. Шевченко заклеил в сатирической поэме «Сон» (1844) – политическом памфлете на царское самодержавие, жестокого угнетателя русского, украинского и других народов. Отличие нарративов, созданных после 1991 г., разве что в том, что теперь «колониальная политика» приписывается, прежде всего, Российской империи, а Австро-Венгрия характеризуется как государство с более либеральным режимом и условиями, более благоприятными для развития украинского национального движения. В советских нарративах, несомненно, наиболее часто употребляемыми понятиями были «феодальный/феодально-крепостнический гнет/угнетение» и, соответственно, «антифеодальная и антикрепостническая борьба». В большинстве исторических гранд-нарративов независимой Украины «гнет/угнетение» и «борьба» также занимают лидирующие позиции, правда, сопровождаются иными прилагательными – теперь это «национальный гнет» и «национально-освободительная борьба».

Подобный парадокс – декларирование разрыва с советским историописанием с одновременным сохранением его методологических основ и стилистических штампов – удивителен только на первый взгляд. После 1991 г. на исторических факультетах вузов на базе кафедр истории СССР были созданы кафедры истории Украины. В вузах, не имевших исторических факультетов, – на базе кафедр истории КПСС или научного коммунизма. Профессиональное формирование большинства авторов новых учебных пособий происходило еще в СССР, что и объясняет методологическую преемственность их сочинений с тем, что было издано до 1991 г. Произошло механическое переписывание истории УССР в историю Украины без серьезного концептуального переосмысления – в основе ее остались, как и прежде, «угнетение» и «борьба». Перед новыми историческими нарративами ставилась одна главная задача – обосновать закономерность создания независимой Украины в 1991 г., которая, будем откровенны, стала неожиданностью как для большинства тех, кто голосовал за нее на референдуме 1 декабря 1991 г., так и для тех, кто возглавил ее тогда же, а незадолго до этого боролся с проявлениями «украинского буржуазного национализма». На эту особенность украинского историописания еще в 1997 г. указал киевский историк Виктор Пироженко: «Главный ошибочный посыл в том, что ... наиважнейшее событие современной украинской истории – достижение независимости, представляется как закономерное и логическое завершение всей предшествовавшей истории Украины. Это исходное положение чем дальше, тем больше влечет за собой целый ряд ошибочных выводов и совсем безграмотных в методологическом отношении действий, что приводит, в конце концов, к абсурдным выводам, явно расходящимся с действительностью» [18].

Стремительное крушение казавшихся незыблемыми основ и необходимость создания новой версии истории для потребностей нового государства в начале 1990-х гг. застали украинских постсоветских историков врасплох. Началось массовое переиздание запрещенных в эпоху СССР трудов украинских дореволюционных и эмигрантских/диаспорных историков [13]. Следует учитывать, что свои нарративы они создавали как часть украинского национального проекта, как инструмент в борьбе за достижение политических целей текущего момента, что, несомненно, наложило отпечаток субъективности в особенности на характеристику статуса Украины в составе иных государств. Растерянностью постсоветских историков, до середины 1990-х гг. занятых изучением ранее запрещенной литературы и архивных фондов, воспользовались писатели и журналисты [19] (зачастую активные политики национал-демократического крыла), в своих публицистических произведениях и выступлениях объявившие о колониальном статусе Украины в составе Российской империи и СССР [15, 129]. В менее радикальной форме эта идея получила признание в большинстве исторических гранд-нарративов, пособий и учебников, характерной чертой которых стала жестко детерминированная линейность исторического развития Украины: «Подобного результата можно достичь, если замалчивать отдельные неудобные факты, выпячивать факты иного рода, нарушать правила логического вывода при выведении из посылок. Такой ценой, конечно, можно создать видимость логического, прогрессивного и неуклонного разворачивания истории Украины в одном только направлении, а именно – в направлении достижения независимости» [19].

На закономерность подобного развития историописания у наций, стремящихся приобрести или недавно приобретших собственную государственность, указывает и Э. Смит: «Культурную основу стремления к подобным целям составляет наличие и (или) открытие самобытной «этноистории». Там, где такая история неполная, ее следует иногда реконструировать и даже «выдумать». В обоих случаях использование этноистории всегда выборочно: важно не только помнить определенные вещи, но и забыть о других. ... Использование этноистории по самой своей сути социально-политическое. Националистов интересует не исследование «своего» прошлого ради него самого, а присвоение мифологии территориализованного прошлого «своего народа». Основной процесс везде состоит в народно-культурной мобилизации пассивной этнической группы и политизации ее культурного наследия посредством культивирования ее поэтического пространства и напоминания о золотом веке» [22, 133–134].

Новая/старая правящая элита независимой Украины легитимизировала обретение государственности в 1991 г. как освобождение от колониальной зависимости. В новом государстве возникла необходимость, с одной стороны, консолидировать бывших советских граждан в новых политических границах посредством формирования у них общей идентичности, с другой – способствовать максимальному выделению из прежней, советской общности, как посред-

ством акцентирования культурных (прежде всего этнографических) отличий украинцев и русских, так и путем противопоставления «колония» – «империя», «жертва» – «угнетатель». Произошла почти тотальная переоценка исторических событий и деятелей (в особенности того, что произошло за последние четыреста-пятьсот лет). То, что в советской идеологии и историографии оценивалось позитивно, теперь получило негативную оценку, и наоборот: «герои» стали «злодеями» и «угнетателями», а «злодеи» и «предатели» – «героями». Чем большей критике и поношениям подвергался тот или иной деятель в советской пропаганде, тем более почетное место было уготовано ему в новом национальном пантеоне, без серьезных попыток переосмысления его роли, деяний и их последствий в истории Украины.

В целом следует отметить, что авторы украинских исторических гранд-нарративов используют понятия «колония», «колониализм», «колонизация», «колониальная политика» зачастую именно как риторический прием для усиления драматизма повествования, а не как аналитическую категорию. Насколько нам известно, в украинской историографии не было серьезной дискуссии о «колониальном статусе» Украины, поэтому каждый автор применяет эту терминологию на свое усмотрение, наполняет ее самыми разными смыслами, что приводит к неразберихе, а иногда и к откровенным ляпам.

«Колонизаторской политикой» считается деление украинских земель на губернии: «Свою колонизаторскую политику относительно украинского народа российская власть осуществляла административными методами» [9, 152]. К «колонизаторской политике» отнесены миграционные и демографические процессы, проявившиеся в ходе урбанизации и заселения Северного Причерноморья и Приазовья: «Миграционная политика царизма стала одним из важнейших рычагов интеграции Украины в состав империи, ее поглощения и русификации. Российский царизм также всяческими льготами поощрял заселение украинских земель представителями иных национальностей, прежде всего сербами, немцами, греками, болгарам и т.д. Более же всего поощрялись русские, которым прививали осознание принадлежности к господствующей государственной нации и чувство, якобы исторически правомерного, их господства над людьми иных национальностей – фактически узниками царской «тюрьмы народов», как называли тогда Российскую империю те, кто боролся за ее свержение. О колониальной политике царизма свидетельствует структура городского населения Украины. ... В конце XIX в. в результате переселенческих движений в Украину и из Украины доля украинцев на их родной земле уменьшилась с 90 до 80%. Значительно увеличилось количество русских: в это время их доля среди населения Украины составляла почти 12%» [9, 154]. Таким образом, не только русские чиновники и военные, но переселенцы-колонисты, беглые крестьяне, ремесленники, купцы, рабочие, переселявшиеся преимущественно на юг современной Украины (тогдашняя «Новороссия») в поисках лучшей жизни и своей деятельностью внесшие немалый вклад в развитие региона, оказывают-

ся инструментом колониальной политики царизма. Это автоматически делает заложниками ситуации современных русских и представителей иных меньшинств, составляющих около 20% населения Украины. По мнению Натальи Яковенко: «[это] потенциально навязывает людям неукраинской крови амбивалентную, а в худшем случае протестную идентичность» [8, 10].

Если большинство авторов исторических гранд-нарративов сходится на том, что о «колониальном статусе» Украины и «колониальной политике» по отношению к ней можно говорить, главным образом, в рамках периода с конца XVIII до начала XX вв., то некоторые абсолютно свободно, не вдаваясь в аргументацию своей позиции, ретранслируют «колониальный статус» как в более отдаленное прошлое, так и в советский период истории. Так, киевский историк А. Д. Бойко целую главу (7.2) озаглавил как «Колониальная политика Российской империи относительно Украины в XVIII в.» [4, 183] (при том, что большая часть украинских земель не входила тогда в состав этой империи). В коллективном труде львовских историков в разделе об индустриализации (автор А. Зайцев) советские республики названы полуколониями, хотя в ходе советской индустриализации в УССР было построено множество машиностроительных заводов, отсутствие которых якобы являлось признаком колониальной политики царизма по отношению к Украине до 1917 г. Индустриализация также связывается с колониальной политикой, а самому понятию «колония» приписано еще одно измерение: «Встал вопрос: где взять средства на индустриализацию? На Западе первичное накопление капитала происходило за счет разорения части крестьянства и ограбления колоний. И хотя партийные теоретики на словах отбрасывали такой путь для СССР, фактически он был воплощен в жизнь в наиболее грубой форме. «Внутренней колонией» для советской промышленности стало крестьянство, прежде всего, украинское» [11, 317]. В данном случае в роли метрополии оказывается уже не дворянство/чиновничество/буржуазия господствующей нации, а «советская промышленность». Следует ли тогда считать английское крестьянство XVII в. «внутренней колонией» британской текстильной промышленности?

Еще дальше пошел харьковский историк В.Я. Билоцеркивский, характеризуя положение украинского населения в Речи Посполитой в первой половине XVII в.: «Католики и униаты при поддержке правительства вели бешеное наступление, чтобы денационализировать и окатоличить украинский народ, без чего невозможно было его покорить. Однако колонизировать и окатоличить удалось только украинскую магнатию и часть шляхты, а крестьянство, казачество, мещанство, мелкая шляхта и большинство духовенства твердо выступали на защиту своих социальных и национальных прав, противопоставляя католической экспансии отечественную систему духовных ценностей, культуру и религию» [2, 137]. В данном случае «колониальная политика» распространяется и на религиозную сферу, а «окатоличивание» приравнивается к «колонизации». Самое парадоксальное, что объектом колониальной экспансии у автора высту-

пают не обездоленные низы и трудящиеся, а верхушка общества – магнateria и часть шляхты. Данные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют, что авторы гранд-нарративов применяют термины «колония/полуколония/внутренняя колония», «колониальная политика», «колонизация» без аналитического осмысления, к любой ситуации, в самые разные периоды, по отношению к разным социальным группам и слоям. Определяющим критерием для использования «колониальной» терминологии является пребывание украинских земель в составе иноэтничного государства. В этой ситуации всякая политика «центра»/«метрополии» по отношению к украинцам может рассматриваться как «колониальная», а сам колониальный период истории Украины растягивается от монгольского нашествия до провозглашения независимости в 1991 г.

В свою очередь, такие подходы и терминология воспроизводятся в школьных учебниках по истории Украины зачастую в еще более гипертрофированном виде. Львовский историк Марьян Мудрый, в результате мониторинга учебников для 7-11 классов, пришел к выводу, что их авторы пишут о непрерывной «колониальной политике» Польши/Речи Посполитой, Австрийской и Российской империй и СССР, а распад последнего и «возникновение независимого украинского государства описаны как финал колониального бытия – разрыв колонии с империей» [8, 27–28]. Авторами учебников дается «целиком негативная оценка политики правительств Австрийской и Российской империй как целенаправленно антиукраинской, при этом с таким эмоциональным нажимом, как будто два правительства ничем другим не занимались, только угнетали украинцев» [8, 29]. Фактически «национальный гнет» и «колониальный статус» задают всю структуру учебников: «Для украинских авторов наиболее комфортным остается присущее советскому учебнику освещение истории посредством дихотомных оппозиций по типу «империя – колония», «захватчик – завоеванный», «угнетатель – угнетенный»... вместо критического постколониального дискурса, предусматривающего сохранение дистанции между историком и содержанием написанного им текста, авторы немотивированно используют эмоциональный антиколониальный дискурс, то есть выступают как будто соучастниками описываемых событий» [17, 87–88]. При этом открытым остается вопрос, а что собственно ученики должны понимать под терминами «колония», «колониальная политика» и т.п.? Терминов, связанных с «колониальной» тематикой, там нет. Таким образом, свое видение образа колониализма ученики будут выводить из курса «Всеобщей истории», где речь идет о заморском колониализме в Азии, Африке и Южной Америке. Ни в одном учебнике нет объяснения разницы между западноевропейским и восточноевропейским колониализмами [17, 98–99].

Изучая прошлое Украины по подобным учебникам, ученики вряд ли получат целостное представление об истории своей родины, поскольку «Украина как объект изучения постоянно ускользает из поля зрения авторов. История Украины подменена историей политики имперских правительств по отноше-

нию к ней» [17, 94]. Использование авторами учебников антиколониального дискурса для описания положения Украины в составе Речи Посполитой, Российской империи, Габсбургской монархии и даже в Советском Союзе, «с одной стороны, актуализирует национальные чувства, но с другой – может потенциально формировать у школьников комплекс неполноценности ... трактовка исторического пути Украины-Руси с XIII до конца XX в. как истории колонии закладывает в ментальность современного украинца неверие в возможность построения в Украине успешного, демократического европейского общества, и таким образом – ведет к цивилизационной и социальной маргинализации, архаизации украинства» [17, 98–99].

Вопрос – была ли Украина когда-либо колонией, в частности России, или нет, не обсуждался в какой-либо серьезной научной дискуссии после 1991 г. на эту тему, тем более, обращенной к широкой общественности. В нашем анализе гораздо важнее то, что одна часть общества и политиков априори рассматривает Украину как колонию нескольких держав или, по крайней мере, России и СССР, другая часть общества и политикума однозначно отвергает саму постановку подобного вопроса по отношению к России и СССР (но не к Польше и Австро-Венгрии). Данная проблема имеет давнюю историю [5, 323–366]. Западные исследователи в большинстве своем не согласны с мнением о колониальном статусе Украины в составе Российской империи [16, 138]. Нас же, в данном случае, интересует восприятие этой проблемы в современном украинском обществе, причины ее присутствия в общественном сознании и ее использование в политической борьбе.

Современному украинскому обществу действительно присущи многие черты постколониального состояния. По мнению Эвы Томпсон, формальное освобождение от колониальной зависимости еще не означает фактического освобождения. Зависимость сохраняется в экономической и психологической сфере. Постколониальным странам присущи следующие черты: экономическая бедность, постколониальный пессимизм, склонность к созданию мифологии бывшего собственного величия и, наконец, наследование культурных трендов бывших колониальных держав. Парадокс, однако, в том, что в той или иной степени все эти черты присущи и обществу современной России, которая, казалось бы, должна выступать в качестве бывшей метрополии. После 1991 г. российское общество испытывает экономическую бедность, пессимизм, создает новые мифологии бывшего величия [23], а в 2000-х гг. обозначилась четкая тенденция к возвращению многих культурных трендов бывшего СССР, особенно периода «застоя» – 1970-х. Дело в том, что социально-экономическое состояние общества Украины и России как до 1991 г., так и после, мало чем отличается. Между уровнем жизни украинцев и россиян, их правовым статусом, никогда не было той пропасти, которая разделяла белых жителей метрополии и туземцев в классических колониальных империях (например, в Британской).

Специфика Украины в том, что различные политические партии используют в своей пропаганде либо польский вариант, либо российский, которые мы обозначаем, соответственно, как постколониальный и постимперский. Для первого характерна виктимизация прошлого и демонизация/ориентализация образа России/СССР, для второго – ностальгия об утраченном величии в рамках дуполярного мира до 1991 г. и надежды на возрождение единства с Россией в виде союза, конфедерации и т.п. Нескрываемая ностальгия носителей постимперского дискурса об «утраченном золотом веке СССР» только обостряет негативный образ России в сознании носителей постимперского дискурса. В свою очередь, виктимизация прошлого и представление Украины как колонии – жертвы империй, в официальном дискурсе (особенно экс-президента В. Ющенко), исторической дидактике и нарративах, дает козырные карты в руки носителей постимперского дискурса, ибо критика ими несостоятельности Украины как государства получает дополнительный «исторический» аргумент. Все это создает благоприятные возможности для манипуляций в ходе предвыборной агитации, для сохранения контроля над «своим» электоратом. Используют эту тактику политические партии, за фасадом которых конкурирующие финансово-промышленные группы сохраняют выгодную им ситуацию разделенности украинского общества и несформированности единой политической нации и гражданского общества.

Именно позиционирование «себя» по отношению к России/«империи» является ключевым моментом современных постколониальных нарративов, что порождает еще один парадокс: история Российской империи еще не стала для украинцев предметом самостоятельного академического дискурса. Как следствие, к имперской проблематике обращаются преимущественно в контексте изучения истории Украины, не отягощая себя поисками новой концептуализации их взаимоотношений. Японский политолог Кимитака Мацузато видит в этом одно из проявлений того удивительного самоограничения, которое было присуще периферийным историкам из советских республик» [16, 136]. Значительная часть украинских политиков, публицистов и историков (особенно старшего поколения) в своей риторике по-прежнему борется с империей: «Тема колониальной в прошлом зависимости Украины является дополнительным свидетельством идейно-мировоззренческой несвободы современной украинской исторической дидактики, а ее внешняя антироссийскость – ничем иным, как все еще неспособностью украинских авторов вырваться из идейно ограниченного российского дискурса. Эта негативная зависимость от России настолько велика, что авторы иногда теряют даже последние нити научного инструментария, стараясь, например, подстроить и Речь Посполитую, и монархию Габсбургов под российские имперские стандарты. Украинская историческая дидактика еще не осознала себя качественно отдельным целым, говоря образно – она упрямо пы-

тается остаться на поле боя и даже одержать убедительную победу тогда, когда воевать уже не с кем и не за что. Своим желанием любым способом доказать колониальный статус Украины авторы школьных учебников незаметно оказываются в тисках российских исторических мифов» [17, 100].

Если в период президентства Л. Кучмы (1994–2004 гг.) формировался эклектический канон украинских исторических мифологем, включавший как элементы советского, так и национального канонов, то президент В. Ющенко (2005–2009 гг.) так же, как и действующий президент П. Порошенко, совершили резкий поворот в сторону постколониальной версии национального канона. «Роль национальных героев (а также национальных праздников) состоит в консолидировании общности посредством обращения к общим ценностям и конструирования общности символов. Сосуществование образцов, не совместимых в сознании больших социальных групп, приводит к обострению конфликтов: вместо того, чтобы консолидировать, герои углубляют разделение. Убеждение, что символы и национальные ценности должны быть общими для всего общества, присуще видению государства и общества в национальных категориях» [6, 467–468].

Более того, «традиционное общество существует искони. Оно не распалось на индивиды и не пережило собирание заново, в чем и состоит процесс рождения нации» [24]. В Украине так и не произошло этого распада на индивиды (есть атомизация), и уж точно не было собирания заново. В Украине все еще весьма сильны региональные идентичности и клановые связи, определяющие как политические и экономические процессы, так и жизненные стратегии «простых украинцев».

«Национальное государство, в значительной мере конституированное идеями общественных интересов, по крайней мере, не предполагает конфликта между государством и этнической целостностью, сформировавшей данное государство. Национальное государство для того и создавалось, так и задумывалось, чтобы максимально сгладить, свести на нет любой конфликт между обществом и государством» [24]. В случае Украины приходится констатировать, что национальное государство так и не возникло. Ибо государство (политическая элита) неподотчетно обществу и не отражает его интересов, но действует исключительно в своих корпоративных интересах. По сути, это отколовшаяся провинция империи, возглавляемая бывшей локальной имперской бюрократией («креолы» М. Рябчука), которая, на данном этапе, в своей риторике использует этноцентричную модель этатизма. Модель эта не воспринимается как иноэтничными гражданами и носителями постимперской ностальгии, так и сторонниками гражданского общества. Она популярна в основном в наиболее консервативной части традиционного общества – среди жителей сел и небольших городов Западной Украины.

Гипертрофированное внимание к прошлому, его виктимизация и одновременное культивирование архаичных черт этнокультуры на фоне множества нерешенных проблем социально-экономического плана и нарастающее отставание Украины от ЕС, порождает только раздражение большей части украинского общества [3]. Австрийский историк А. Каппелер в 1994 г. обращал внимание коллег на то, что использование истории в конструировании нации должно быть максимально продуманным и равноудаленным от мифологем противопоставления: «Молодое украинское национальное государство стоит перед сложным заданием создать новую интеграционную идеологию. Именно истории принадлежит центральная роль в создании идентичности. Мне кажется, что упрощенный тезис украинско-российского антагонизма тут мало подходит. Решению актуальных политических проблем в большей степени будет способствовать дифференцированная и научная разработка истории украинско-российских отношений, выходящая за пределы тезисов о «дружбе народов» или «вражде народов» [14, 208–214]. По мнению Владимира Кравченко, исторические мифы разделяют украинское общество: «Сегодня в сознании многих людей Б. Хмельницкий, как и раньше, продолжает «бороться» с И. Мазепой, Россия спешит спасти православных украинцев от коварного Запада и римского папы ... другая часть общества при этом изо всех сил «возвращается» в Европу и противостоит российской экспансии, мужественно бросая в лицо своим очередным угнетателям длинный список их злодеяний» [16, 139]. Более категоричен Игорь Торбаков: «Одной из главных задач, стоящих сегодня перед украинскими историками, является интеграция советского периода в единую схему украинского исторического процесса. Успешное решение этой задачи поможет в итоге и формированию некой объединяющей всех граждан Украины национальной идентичности. Сейчас такие исторические проблемы, как Украинская революция 1917–1920 гг., Вторая мировая война, деятельность ОУН-УПА скорее разделяют, чем объединяют, людей» [23]. Однако этой интеграции так и не произошло. Советский период истории Украины рассматривается как самый трагический этап ее прошлого. Связанные с имперским и советским периодами «места памяти», столь важные для идентичности жителей Юго-Востока, игнорируются постколониальным дискурсом на всех уровнях.

Как отметил киевский историк Владислав Верстюк на семинаре, посвященном переосмыслению учебников по истории Украины (19–21 октября 2007 г.): «Сегодняшнее деление Украины на условные «восток» и «запад» является, в определенной степени, и следствием того, что наш разговор опоздал на 15 потерянных лет» [8, 17].

Сегодня деление Украины уже произошло и явилось следствием того, что наши разговоры и действия опоздали, а формированию некой объединяющей всех граждан Украины национальной идентичности предстоит долгий путь в истории.

Библиографический список

1. *Андерсон, Бенедикт.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. 288 с. [*Anderson Benedict.* Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism / Transl. from Eng. by V. Nikolaev; introd. art. by S. Van'kovskaya. Moscow, 2001. 288 p.].
2. *Білоцерківський В.* Історія України: Навчальний посібник. К. Центр учбової літератури, 2007. С.3; С. 137. [*Bilotserkivskiy V.* History of Ukraine: Textbook. Kiev, Center for Educational Literature, 2007. P. 3, 137].
3. *Бойко Н.* Сегодня злодей, завтра герой. 29 апреля 2009. URL: <http://www.tol.org/client/article/2054>. [*Boyko Nataliya.* Villain Today, Hero Tomorrow. Transitions Online (April 29, 2009)].
4. *Бойко, О.* Історія України: Навч. посіб. 3-те вид., вип., доп. К.: Академвидав, 2007. С. 183 [*Boyko O.* History of Ukraine: Textbook. 3rd ed. Kiev, Akademviдав Publ., 2007. P. 183].
5. *Величенко Степан.* Вопрос русского колониализма в украинской мысли // *Ab Imperio.* 2002. № 1. С. 98, С. 323–366 [*Velychenko Stephen.* The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought // *Ab Imperio.* 2002. No. 1. P. 98, 323–366].
6. *Гнатюк Оля.* Прощання з імперією. Українські дискусії про ідентичність / авторизований переклад з польської. Київ. Критика. 2005. С. 467–468. [*Gnatyuk Olya.* Farewell to the Empire. Ukrainian Debates on Identity / Authorized Translation from Polish. Kiev, Kritika Publ., 2005. P. 467–468].
7. *Грицак, Я.* Украинская историография: 1991-2001. Десятилетие перемен// *Ab Imperio: Исследования новой имперской и национальной истории в постсоветском пространстве.* 2003. № 2. [*Hrytsak Ya.* Ukrainian Historiography: 1991–2001. The Decade of Change // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space.* 2003. No. 2. P. 427–454].
8. Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19-21 жовтня 2007 р.). С. 10, С. 17, С. 27–28, С. 29. [Record of the Workshop discussions on the monitoring of the secondary school textbooks on the history of Ukraine (Koncha-Zaspa, October 19-21, 2007). P. 10, 17, 27–28, 29].
9. Історія України: нове бачення. 2-е вид. / В. Ф. Верстюк, О. В. Гарань, О. І. Гуржій; під ред. В. А. Смолія. К.: Альтернативи, 2000. С.152; С. 154. [*History of Ukraine: a new vision.* 2nd ed. / V.F.Verstyuk, O.V.Garan', O. I. Gurzhiy; ed. by V. A. Smoliy. Kiev, Alternatyvy Publ., 2000. P. 152, 154].
10. Історія України: Навчально – методичний посібник для семінарських занять /В. Литвин, А. Слюсаренко, В. Колесник. К.: Знання-Прес, 2006, С. 10–11. [*History of Ukraine: methods handbook for discussions / V.Litvin, A. Slyusarenko, V. Kolesnik.* Kiev, Znannya-Pres Publ., 2006. P.10–11].

11. Історія України/ Керівник автор. кол. Ю. Зайцев. С.317. [History of Ukraine / ed. by Yu. Zaytsev. Lviv, 1998. P. 317].
12. История Украинской ССР: краткий очерк. К.: Наук. думка, 1982. С.136, С.155. [History of the Ukrainian SSR. Short essay. Kiev, Naukova dumka Publ., 1982. P.136, 155].
13. *Касьянов, Г.* Современное состояние украинской историографии: методологические и институционные аспекты // *Ab Imperio*. 2003. № 2. [Kas'yanov G. The Current State of the Ukrainian Historiography: Methodological and Institutional Aspects // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 491–519].
14. *Канпелер Андреас.* Українсько-російські стосунки у ХІХ столітті: гіпотези та відкриті питання // Доповіді на II Міжнародному конгресі україністів. Львів, 1994. Ч. 1. С. 208–214. [Kappeler Andreas. Ukrainian-Russian relations in the 19th century: hypotheses and open issues // Reports at the 2nd International Congress of Ukrainianists. Lviv, 1994. Part 1. P. 208–214].
15. *Кравченко В.* Переяславський комплекс української історіографії // Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 129, С. 139. [Kravchenko V. Pereyaslav complex of Ukrainian historiography // Ukrainian Humanitarian Review. 2003. No. 9. P. 129, 139].
16. *Кравченко В. В.* Україна, імперія, Росія... Огляд української історіографії // Український гуманітарний огляд. 2004. № 10. С. 138, С. 136. [Kravchenko V. V. Ukraine, Empire, Russia... Review of the Ukrainian Historiography // Ukrainian Humanitarian Review. 2004. No. 10. P. 138, 136].
17. *Мудрий, Мар'ян.* Тема «колоніального статусу» України у підручниках історії// Матеріали Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19-21 жовтня 2007 р.). С. 87–88, С. 94, С. 98–99, С.100. [Mudryi Mar'ian. The topic of the "colonial status" of Ukraine in history textbooks // Proceedings of the Workshop on the monitoring of the secondary school textbooks on the history of Ukraine (Koncha-Zaspa, October 19-21, 2007). P. 87–88, 94, 98–99, 100].
18. *Пироженко, Віктор.* Легенди та міфи української історії// Історія в школі. 1997. № 10–11. [Pirozhenko Victor. Legends and myths of the Ukrainian History // History at school. 1997. No. 10–11].
19. *Пироженко, Віктор.* Ук. соч. (<http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirizenko-1.htm>) [Pirozhenko Victor. Op. cit. Available at: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirizenko-1.htm>].
20. *Сайд, Едвард.* Орієнталізм. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. [Said Edward. Orientalism. Kiev, Publishing House of Solomii Pavlychko "Osnovy", 2001].
21. *Сміт, Ентоні.* Національна ідентичність / пер. з англійської П. Тарашука. К.: Основи, 1994. 224 с. С.133–134. [Smith Anthony. National identity / Transl. from Eng. by P. Taraschuk. Kiev, Osnovy Publ., 1994. 224 p. P. 133–134].

22. *Торбаков Игорь*. Историческая наука как инструмент формирования новых государств // Независимая газета. 1996. 20 окт. [*Torbakov Igor*. Historical science as an instrument for the formation of new states // *Nezavisimaya Gazeta*. 1996, Oct. 20].
23. *Шнилерман Виктор*. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / под ред. М. Олкотт и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 2000. [*Shnilerman Victor*. The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethno-politics // *The Reality of Ethnic Myths*. Ed. by M. Olcott and A. Malashenko. Carnegie Moscow Center. Moscow, 2000].
24. *Яковенко Игорь*. Ук. соч. ([http:// www.izbornyk.org.ua/igyak.htm](http://www.izbornyk.org.ua/igyak.htm)). [*Yakovenko Igor*']. Op. cit. Available at: [http:// www.izbornyk.org.ua/igyak.htm](http://www.izbornyk.org.ua/igyak.htm)].

THE PAST IN CONSTRUCTING NATIONAL IDENTITY: GRAND NARRATIVES OF UKRAINE

N. M. Yefimishch

Political Scientist, Vice-Director of the Centre of Contemporary Technologies,
National Aviation University, Kiev, Ukraine

The article is devoted to the construction of national identity and the significance of the image of the Other in this process. The author analyzes the role of Russia as the Other in the formation of the contemporary discourse on Ukrainian identity and in the nation-building process, namely in historical narratives, official rhetoric, and politics of memory. The construction of Ukrainian identity is analyzed in the context of post-colonial or post-imperial discourse. The significance of the image of the empire in the representation of the historical past is still enormously great. The author considers that the process is not accompanied by deep academic discussions on the understanding of the empire and colonial policy, but postcolonial rhetoric is intensively used in political struggle both within Ukraine and in foreign politics.

Keywords: national identity; post-imperial discourse; postcolonial rhetoric; image of the Other; politicization of the past; Ukraine; Russia.